

чёрный эфир

ГРИМУАР ДЬЯВОЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чёрный Эфир

Гримуар дьявола

<https://litres.ru/74568573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в мир, где у каждого кошмара есть исток, а у греха — свои последствия.

«Гримуар дьявола» — это антология кошмаров, написанная в стиле жесткой, честной и бескомпромиссной контркультуры. Здесь нет штампованных ужастиков и мягких сказок на ночь.

Автор не церемонится с читателем: его слог бьет наотмашь, без цензуры, фальши и купюр, погружая в суровую, осязаемую реальность.

Каждая история — это погружение в новую бездну. Главные герои — обычные люди со своими шрамами, пороками и слабостями, которые оказываются один на один с первобытным страхом.

Но за каждым жутким сюжетом, за страхом и болью скрывается то, чего так не хватает современному хоррору — суть человеческого падения и вопросы, от которых не получится отвернуться.

Шаг в темноту сделан. Вы в Чёрном Эфире.

Содержание

Провинциальная больница	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чёрный Эфир

Гримуар дьявола

Провинциальная больница

Часть 1

Я открываю глаза. Слишком тихо.

Мой мозг воспринял тишину в этой чёртовой больнице как чужеродную среду и выдрал меня из сна посреди ночи. Почему так тихо?

Темно. Воняет говном от немых соседей по палате — здесь все ходят под себя, все переломаны, и это нормально.

Нормально даже то, что вечно орут искорёженные люди в соседних палатах и на койках в коридоре, и на них все плевать хотели, это же Россия. Но сейчас звенит тишина.

Я протираю глаза, сглатываю горькую слюну и смотрю на экран телефона: 3:00. Да почему так тихо, мать вашу?!

Я ссу в пластиковую бутылку, вонючим, с трудом встаю на одну здоровую ногу и беру костыли.

Встряхнув головой, я замираю — соседей по палате нет. Койки пустые. Чего?

Я не из тех, кто не может разобрать, спит он или нет. Я

чётко помню, где нахожусь, помню, как на тротуар вылетела машина и снесла меня к чертям.

Прооперированная нога болит так, что руки трясутся. Мне вообще нельзя вставать — давление вскрыет швы, и пойдёт кровь. Но какого хрена тут происходит?!

Я костыляю к двери. Сука, просил же санитарок не закрывать её на ночь! Дышать чужим дерьмом до утра... сами попробуйте.

С трудом толкнув скрипучую дверь, я выхожу в коридор. И тут тоже пусто.

Мой мозг ещё пытался крутить варианты, что людей выписали или экстренно забрали на операцию... Но ЭТО он объяснить не может.

Я просто тупо моргаю и озираюсь в пустом, длинном коридоре. Какого чёрта?!

Глухо стуча резиновыми наконечниками костылей по липкому линолеуму, я ковыляю по коридору туда, где обычно сидели эти тупые медсестры.

"Денис! Куда опять попёрся? Заканал своими папиросами, тебе лежать надо!" — всплывает в голове вчерашний визг ночной сестры. Да пошли вы в болото, я вам не сынок. Уши уже в трубочку сворачиваются без никотина.

Я останавливаюсь, прижимаю костыли подмышками к ребрам и прикуриваю. Фух, ёпт... Так лучше. Дым дерёт горло, и боль в ноге чуть отпускает.

Стон.

Я замираю с зажжённой сигаретой во рту. Кто-то хрипло, натужно стонет. Впереди, в одной из палат.

— Эй! Есть кто? — бросаю я в темноту севшим голосом.

Сжав зубы, я быстро плетусь на звук. Какой-то мужик хрипит так, будто ему медленно, наживую делают надрез.

Старые люминесцентные лампы над головой трещат, а частый, рваный стук костылей врывается в сырые стены коридора и возвращается ко мне со всех сторон.

Стон.

— Да иду я, нах! — рычу я, ненавидя свои костыли и того, сука, пьяного водителя.

Обогнув инвалидную коляску (в жизни в такую не сяду), я плечом толкаю дверь палаты и захожу.

Пусто... Какого?.. Все койки голые. Но голос был точно отсюда!

От удивления я роняю сигарету изо рта, и она обжигает больную ногу. Без голоса матерясь, я продолжаю пялиться на пустые матрасы.

И тут до меня доносится приглушённый, далёкий звонок моего телефона. Телефон! Как я сразу не допёр! Мобильник же лежит на тумбочке!

Неуклюже шатаюсь на развороте, я лечу обратно в свою палату. Опять этот грёбанный костыльный стук, я хриплю и пыхчу, а прооперированная нога горит так, будто швы вот-вот вскроются.

Я залетаю в палату и вижу свет от экрана на тумбочке.

Он всё ещё звонит, разрезая звенящую тишину так, что я морщусь от этого писка.

Взяв телефон в руки, я вижу надпись: «ЖЕНА». В три часа ночи? Не важно!

— Алё, Кать! — прикладываю я трубку к влажному уху.

И тут же отпрыгиваю, роняя мобильник на пол! Я с раздробленной, прооперированной ногой лечу назад, и лишь койка за спиной спасает меня от падения.

Из динамика раздался оглушающе громкий, до дрожи в горле мерзкий и ужасающий КРИК! Словно сам АД вырвался наружу, вышибив из меня всё живое.

Я сижу на кровати и тяжело дышу. Руки трясутся, по спине потек холодный пот, сердце ломает ребра. Я смотрю на телефон и глотаю воздух.

Крик прекратился. Теперь в трубке тишина, а секунды разговора на экране молча идут вперед: 00:14... 00:15... 00:16...

Через силу я тянусь к полу и поднимаю мобильник. Но как только я взял его в руку, экран моргнул и показал системную надпись: «Вставьте сим-карту».

Я тупо мигаю и зачем-то сажусь на пол, в привычную позу. Пол ледяной и будто влажный. Меня трясёт, но сил встать с нерабочей ногой просто нет.

Когда я коснулся экрана пальцем, тот не отреагировал. Ещё раз, ещё... Да что такое?! Телефон завис, но я уже не удивлён. Закинув его на свою койку, я взялся за голову и

просто дышу.

Моей ноги вдруг коснулось что-то тёплое! Я дёргаюсь и смотрю вниз.

Кровь пошла. Шов таки потёк. Тёплая багровая струйка побежала по коже.

Машинально проведя ладонью по ноге, я измазал руку кровью и начал тяжело вставать.

За окном тишина и темнота. Окна моей палаты смотрят в тупик, а он всегда пустой, лишь пара машин — ничего не понять.

Надо успокоиться и пойти искать людей. Спуститься вниз может, я не знаю. Но стоять и тупить точно не вариант.

Я накидываю куртку, остаюсь в шортах (с такой ногой я штаны сам не надену), беру телефон, сжимаю костыли и топаю в коридор. Я немного успокоился и набрался решимости.

— Ээй! — крикнул я в рваную темноту в конце коридора.
— Есть тут кто, ё-моё?!

Да и нахрен. Я пошел к лифту.

Снова стук расшатанных казённых костылей, снова моё пыхтение — и вот я у дверей. Нажимаю на кнопку... и смеюсь.

Просто тихо и мрачно смеюсь от того, насколько глупо было даже надеяться, что этот чёртов, мать его, лифт будет работать!

Я на третьем этаже, сам спущусь.

И только дотопав до лестницы в конце коридора, я замираю в неожиданном осознании: я не знаю, как спускаться.

Я даже не задумывался о том, что с двумя костылями в подмышках лестница — это грёбанный ребус без права на ошибку.

Но ничего, автомеханик и не такие ребусы решал.

Я бросаю один костыль вниз пролёта — он громыхает так, что воздух вибрирует, — и берусь левой рукой за перила. Так, а как теперь-то?

И тут позади меня из коридора раздаётся скрип двери. Протяжный и обрывистый.

Я воодушевлённо оборачиваюсь и вижу, как из дальней палаты кто-то выходит.

Я хочу рвануть к нему, но один костыль уже внизу! Я в точке невозврата, ёпт!

Выходит мужик. Егор. Я вчера с ним говорил, он с третьего этажа упал, обе ноги сломал, три пластины ему вставили, чтобы кости собрать.

— Э, Егор! Слышишь! Иди помог... — и я затыкаюсь.

Я замолк, потому что понял, насколько абсурдно всё, что здесь творится.

И дело не в том, что человек с двумя сломанными ногами не может помочь тому, у кого сломана одна. А в том, что Егор не в коляске. Он на ногах.

Егор стоит на сломанных, подкошенных ногах. Сквозь бинты сочится кровь, а взгляд упёрся в меня. Такой злой и

дикий, что мои внутренности скрутило.

Я тяжело, прерывисто выдыхаю и сглатываю. Его взгляд осознанный, но смотрит на меня так, будто... будто я даже не знаю, что ему сделал.

И тут он делает шаг, затем второй, третий. Послышался тихий хруст сместившихся костей, ноги чуть согнуло, но Егор настойчиво идёт ко мне!

Я отмерзаю и судорожно начинаю как-то, непонятно как, прыгивать со ступенек. Господи, Боже... Какого хрена... Мать твою...

Пятка правой сломанной ноги стукнулась о ступеньку, и боль раскалённой волной прошла до самого позвоночника! Я рычу и спускаюсь дальше!

Обернувшись, я вижу Егора уже намного ближе. Он упорно хромотает ко мне.

Его глаза искажены дьявольской яростью, он скалится и будто хочет что-то сказать, но лишь пыхтит.

Раздаётся влажный, приглушённый хруст, нога Егора совсем сгибается в голени, и он падает.

Но сразу встаёт, наступает на сгиб излома и снова падает. Тогда он просто начинает ползти, брызгая слюной из сжатых зубов.

— Да, сука, что ж такое! — выдаю я в ужасе и спускаюсь дальше, ступенька за ступенькой.

На последних двух ступеньках моя рука срывается, я ловлю спиной перила и с глухими матерными стуками рушусь

на бетонный пол.

Нога кричит от боли, пульсирует и истекает кровью. Я ударился головой о пол, но в целом живой.

В панике посмотрев наверх, я вижу Егора. Его голова уже нависает над ступеньками, глаза тёмные от осознанной злости, а стиснутые зубы скрипят от напряжения.

— Да какого чёрта тебе надо от меня?! — кричу я, затравленно вжимаясь в стену.

Тогда он упирается руками в ступени, толкается и просто кубарем летит вниз.

Пустой стук головы о ступени, натужный хрип, хруст костей — и Егор заваливается на меня всем телом. Прямо на ногу!

— АААА, СУКА! — кричу я, не выдержав адскую боль.

Судорожно толкая эту тварь руками, я пытаюсь выбраться!

— Пошёл нахер!

Никак. Я прижат к стене, а нога вообще не работает, она только горит болью, и всё! Давай! Слезай, тварь!

Намертво.

Часть 2

Я стучаюсь затылком о бетон и тяжело, беспомощно дышу. Меня мелко трясет, а в ноге такое горячее натяжение, будто в ней что-то сейчас порвется.

Осмотрев Егора, который лежит мордой вниз, я понимаю, что он не дышит, но при этом источает сильный жар. Его ноги переломаны, а из пробитой головы натекает лужа.

Выдохнув, я с трудом тянусь к костылю. Давай же... пальцы цепляют металл — есть. Так, а теперь пошел нахрен с меня. Я упираюсь наконечником в ребра Егора и толкаю!

Его тело тяжелое, вонючее и вязкое, костыль впивается в его тушу, сдавливает органы, а потом соскальзывает, сдирая кожу.

Сквозь боль, отчаянно рыча, я таки переворачиваю эту тварь на спину, освободив свою правую сломанную ногу, но тут же вздрагиваю!

Глаза Егора открыты и смотрят на меня.

Это не случайность. Он смотрит на меня живыми глазами, не мигая и при этом абсолютно неподвижно. Будто он только что проснулся, и эмоций — никаких.

— Ты сломал мне жизнь, — одними губами сипит Егор.

— Что? — удивленно моргаю я. — Ты... ты че несешь?

— Ты сломал мне... — начал повторять Егор, но я обрываю его, ткнув ему в живот костылем!

— Да пошел ты! — я освобождаю вторую ногу и судорожно отползаю. — Придурок, мать твою!

Кривыми и рваными движениями я поднимаюсь на здоровую ногу. Косо и зло поглядывая на Егора, сжав зубы, забираю свои костыли и начинаю свой чертов спуск на первый этаж.

Тяжело и грузно упав на скамейку в холле больницы, я трясущимися руками закидываю свою больную ногу наверх, в горизонтальное положение.

Она вся багрово-синяя, кровь из шва дотекла до пятки, а болит так, словно из нее миллионы игл вырываются наружу.

Я тяжело дышу, сплевываю на пол и осматриваюсь. И здесь темно и пусто, сука. Не просто пусто, а мертво.

Сквозь стеклянные двери выхода пробивается тусклый, могильный лунный свет. Воздух холодный, сырой и пыльный. По телу поползли липкие мурашки.

Так... я сглатываю сухую слюну и решаюсь на новый марш-бросок. Костыли в подмышки, и снова их стук разлетается по всему этажу.

Закрото! Твою мать, эта чертова дверь заперта! Я зло трясу рукоять, одну створку, потом вторую, но без толку.

Я бы ее вынес, разбил скамейкой, например, но не в таком состоянии. Нужны ключи.

Прямо возле выхода, в кабинете охранника, я прислоняю костыль к столу и левой рукой переворачиваю все на нем. Нет!

Выдвигаю ящики, ищу на полу и в стеллаже — да какого чёрта!

Я понимаю, что есть пожарный выход за последним лестничным пролетом, но идти туда, в густую тьму узких коридоров, у меня нет никакого желания. Там скорее всего тоже заперто. И я просто боюсь.

Регистратура!

Офисное кресло на рецепшене скрипнуло под моим весом, и я начал выворачивать всё наизнанку, катаясь на колесах от одного края длинной стойки к другому.

Бумаги, папки, скрепки, стикеры, ручки, пиво! Чего? В мусорке лежат пустые жестянки.

Какой урод будет пить на рабочем месте? Да ещё и в медицине! Не люди, а твари. Как и тот водитель, который меня сбил.

Звук!

Моё сердце сжалось, я замер и притих. Как будто кто-то каталку везёт. Слева, в черноте коридора.

Скрипучий лязг колес становится яснее и ближе, но шагов я не слышу. Тот, кто везёт каталку, идёт очень тихо.

Я всматриваюсь вглубь темноты и, еле дыша, жду, что будет дальше. Мои руки дрожат, как у напуганной псины, а мозг онемел.

И тут из тягучего, вязкого мрака проявляется край медицинской кровати для лежащих пациентов, и всё, что я смог сделать — это опустить голову, чтобы меня не было видно. Спрятаться.

Дребезжащие колеса медленно едут вдоль стойки регистратуры, а я сижу, припав головой к столу и закрыв рот ладонью.

Звук стих. Тишина.

Застарелая влажная пыль плавает в мертвом свете и осе-

дает на холодный бетон и меня. Здесь пахнет лекарствами, гнилью и ржавой кровью.

Выждав несколько секунд, я медленно, стараясь не скрипнуть креслом, приподнимаю голову и выглядываю из-за стойки. Никого.

Тогда я встаю на левую ногу и смотрю ниже. Больничная койка! Сердце от страха пропустило удар, но я остался неподвижен.

На пожелтевшем матрасе лежит женщина. Ее голова забинтована, череп ввалился, как после трепанации. Лицо в синих вздувшихся гематомах, на правой руке аппарат Илизарова, а перебинтованные ноги распухли от отеков — прямо как моя сломанная.

Как ее поломало-то, охренеть. Но где тот, кто ее привез? Я тихо осматриваюсь вокруг. Глухая тишина.

— КАКОЙ ЖЕ ТЫ УБЛЮДОК! — вдруг завопила женщина, открыв глаза и уставившись на меня!

Я дернулся! От испуга перехватило дыхание, здоровое колено подкосилось, и я полетел вниз, с грохотом ударившись прооперированной ногой о пол.

Боль раскаленной арматурой вонзилась в таз. Я рычу и ерзаю, судорожно пытаюсь дотянуться до костылей.

Снова загремели колеса кровати, и она покатилась в мою сторону. Сама.

Измазав пол липкой кровью и собрав с него грязь на вскрывшийся шов, я на локтях подползаю к костылям.

Но едва я взялся за опору, больничная койка ударилась о стойку регистратуры и выкатилась на меня. Костыли полетели на пол, а я в ужасе отпрянул и пополз назад.

— Ты нелюдь! — истерично плачет женщина хлюпающим, срывающимся голосом. Ее глаза залиты красным, а изо рта брызжет слюна. — Как же ты живешь-то такой!?

— Да я тебя даже не знаю, больная ты сука! — надрывно кричу я, уползая от нее на левом боку.

Я тяжело хриплю, пытаюсь обогнуть стол с противоположной стороны. И тут мой взгляд цепляет предмет под ним, прямо возле ножки.

Ключ!

Господи, пожалуйста, пусть это будет тот самый ключ! Я сжимаю латунные зубья, переворачиваюсь на живот и волоку себя к стеклянным дверям.

Сломанная нога больно трется о бетон, оставляя багровую дорожку, а изуродованная женщина на койке с леденящим скрипом катится за мной.

— Таких выроdkов, как ты, изживать надо! — ревет больная, медленно, но неотвратимо приближаясь ко мне. — Это ты должен быть на нашем месте! Ты, а не мы!

Я не отвечаю, а только измотанно пыхчу, плечи горят, локти содраны. Уже близко.

Уперевшись лбом в стекло, я тянусь к рукояти, цепляюсь за нее и со стоном, на адреналине, вытягиваю себя вверх. Удерживаюсь на одной ноге.

Сучий скрип колес все ближе, они едут прямо по моим потрохам.

Через тремор, суетливо вставляю ключ. Не идет. Поворачиваю зубьями вверх. Не та створка, тварь!

Я прыгаю на ноге к соседней двери и снова терзаю замок...
Это не тот ключ.

Обессиленно и раздавленно я поворачиваюсь к переломанной женщине. Звон упавшего латунного предателя разлетелся по этажу.

— Какого черта тебе надо от меня? — обреченно говорю я, готовый взвыть от всего этого мракобесия. — Чего ты хочешь?!

Но заплывшие глаза больной смотрят на меня с садистским удовольствием. Она не собирается останавливаться, она предвкушает.

Я не знаю, что делать, немощь сковала тело. Поэтому я просто стою и тяжело дышу, держась за рукоять, чтобы не упасть.

Больничная койка вдруг разгоняется и со вспышкой адской боли и оглушительным грохотом врезается в меня! Я истошно заорал. Посыпалось стекло. И опустилась темнота.

Вой. Мерзкий режущий вой вытягивает меня из забытья, и я поднимаю голову. Звук пропал, а с макушки посыпалось стекло, залетая под воротник.

С трудом разлепив глаза, я осматриваюсь и ничего не понимаю. Перед глазами значок «Н» на руле, руки изодраны,

всюду битые осколки.

Я откидываюсь назад и осознаю, что не чувствую правую ногу. Она сложилась влево и вправо, как гармошка, мать ее.

Затем перевожу взгляд на пассажирское место и вижу пивные жестянки на коврике. Много.

Справа, на траве, фельдшеры резкими, сильными рывками кого-то откачивают. По одежде — женщину, но она вся в крови.

А слева, на тротуаре, лежит переломанный Егор. Он смотрит на меня осознанным, яростным взглядом и сипло, рвано дышит. Хочет что-то сказать, но не может.

"Гримуар дьявола" — это живая антология кошмаров.

Новые истории, новые жанры и новые бездны будут добавляться прямо в эту книгу.

Чтобы не пропустить свежие главы и включение Чёрного Эфира — обязательно подписывайтесь на мою страницу автора.

Шаг в темноту сделан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.